

Морское право

ЕЩЕ РАЗ О ПРАВОСПОСОБНОСТИ И ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

М.И. Л а з а р е в *

Ключом для решения сложных практических вопросов современного международного морского права являются такие элементы международной правосубъектности государств как правоспособность и дееспособность.

Одной из таких проблем является вопрос о том, имеют ли право технически развитые державы использовать Мировой океан и его дно, в то время как другие государства пока еще такой возможности не имеют.

Для ответа на этот вопрос рассмотрим как соотносятся морская правоспособность и морская дееспособность государств друг с другом и какова роль в этом научно-технического прогресса.

Разрыв между правоспособностью государства и его дееспособностью, как уже было отмечено, (см. об этом статью, опубликованную в № 2 “Московского журнала международного права” за 2000 год) имеет своей причиной явления исторического, политического, экономического, географического порядка и, как правило, не зависит от воли человека и народов в своем происхождении.

Однако если этот разрыв изначально детерминирован объективными факторами, то в дальнейшем (как показывает опыт истории) от человека зависит сократить этот разрыв между правоспособностью и дееспособностью своего государства активной и созидательной деятельностью.

Действительно, от правильной организации народа, его общественной и трудовой деятельности, от его политических, экономических и технических усилий зависит превратить “должное” в “сущее”.

Важнейшим инструментом сокращения разрыва между правоспособностью и дееспособностью и уравнения их друг с другом является научно-технический прогресс.

Заметим в скобках, что блестящий пример достижения такого ре-

---

* Профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ.

зультата дал советский период, который, опираясь на марксистско-ленинское учение об обществе, на принципы научного коммунизма, под руководством Коммунистической партии Советского Союза в короткий срок смог превратить отсталую Россию и ее национальные окраины в цветущую морскую державу со значительным приближением “морской дееспособности” Советского Союза к его “морской правоспособности”.

Научно-технический прогресс при соответствующей правильной организации общества дает возможность государству создать развитый торговый флот и (пока это необходимо для обороны) военно-морской флот.

Научно-технический прогресс позволяет все большему числу государств проникать в тайны флоры и фауны Мирового океана, его дна, недр, осваивать “мокрый Космос”¹.

Именно благодаря научно-техническому прогрессу с каждым годом все большее и большее число государств будет расширять свою морскую дееспособность.

Известно, что научно-технический прогресс в целом привел к новому расширению морской правоспособности государств.

Таково, например, право прибрежного государства уничтожать иностранные танкеры, хотя и находящиеся в открытом море, т. е. за пределами национальной юрисдикции прибрежного государства, но загрязняющих море нефтью и угрожающих тем самым интересам прибрежных государств (Конвенция 1969 года)².

Научно-технический прогресс увеличил и дееспособность государств. Например, сейчас каждое государство может устанавливать в своих интересах тот или иной вид аппаратуры Системы сбора океанских данных (ССОД), что относительно доступно всем государствам — большим и малым³.

Однако, этой объективной закономерности превращения правоспособности в дееспособность и фактическому разрыву между правоспособностью и дееспособностью, детерминированному историческими факторами, противопоставляется попытка определенных сил использовать и правовые средства, и сам научно-технический прогресс для того, чтобы ограничить как правоспособность, так и дееспособность государств, располагающих развитой техникой.

Научно-технический прогресс увеличивая дееспособность государств в отношении существующей правоспособности, вместе с тем, расширяя фактические возможности государств в деле освоения моря и морского дна, содействует расширению в дальнейшем самой правоспособности.

Этот процесс заключается не в совершении государством определенных фактических акций (исследование, разведка, добыча, использование флоры и фауны и т. д.), а в последующей легализации этой практики посредством адекватной процедуры кодификации международного морского права (типа Женевских конвенций 1958 года). Объясняется это тем, что сами по себе фактические акции государства, если они не опираются на действующие нормы международного права, не могут рассматриваться как приобретение права.

Заключение соответствующих **универсальных** международных соглашений будет означать и расширение объема морской правоспособности государств, вызванной к жизни фактическими действиями государств, ставшими возможными благодаря научно-техническому прогрессу.

В течение десятилетий человечество воспринимало разрыв между правоспособностью и дееспособностью на море как естественное положение, каковым оно в силу объективного хода исторического развития и ряда детерминирующих факторов и являлось.

Однако в настоящее время под влиянием подлинно народных демократических идей зафиксированных в Уставе Организаций Объединенных Наций народы требуют ускорения процесса превращения юридического равенства в равенство фактическое.

Здесь, однако, нельзя не отметить нездоровый ажиотаж определенных кругов вокруг вопроса о будущей разработке ресурсов дна Мирового океана, когда определенные силы пытаются решить проблему ликвидации разрыва между морской правоспособностью и морской дееспособностью развивающихся государств не по схеме правоспособность — научно-технический прогресс — дееспособность, а посредством ограничения и правоспособности и дееспособности технически развитых государств.

В частности, делается попытка посредством создания международного аппарата с дискретными правами установить ограничения в деятельности государств (практически речь идет о технически развитых государствах) на морях.

Такой подход, однако, нельзя признать соответствующим основным требованиям современного международного права.

Действительно, подавляющее большинство развивающихся стран, как это явствует из доклада У Тана⁴, стремится создать международный аппарат для контроля за деятельностью технически развитых государств в отношении дна Мирового океана.

Но в этом случае были бы достигнуты следующие результаты.

Во-первых, объективно была бы парализована морская правоспособность технически развитых государств, ибо только международный аппарат определял бы права и обязанности государств в отношении дна Мирового океана, а по некоторым, далеко идущим проектам, и в отношении вод Мирового океана за пределами национальной юрисдикции.

Во-вторых, объективно была бы парализована морская дееспособность технически развитых государств, ибо только международный аппарат был бы призван разрешать деятельность государства в отношении дна Мирового океана, или даже вод Мирового океана за пределами национальной юрисдикции.

Реализация указанных проектов привела бы к изменению всей структуры современного международного права и его важнейшей отрасли — международного морского права, которое является координационным, а не субординационным, и основано на равноправном и добровольном установлении самими суверенными государствами норм международного права.

Это означает, что не только многие технически развитые страны, имеющиеся сегодня, но и еще большее число стран, которые в ближайшем будущем станут технически развитыми, более развитыми, будут лишены значительной части своей морской право- и дееспособности.

Мы уже не говорим о том, что подобного рода проекты привели бы к тому, что нормы международного права превратились бы вообще в тормоз научно-технического прогресса и технического развития многих государств.

Историческое развитие привело к тому, что в наше время имеются мощные технически развитые державы.

Очень важно подчеркнуть, что эти страны представляют не просто два государства, а две различные социально-экономические системы государств: социалистическую (Китай, Северная Корея, Куба и др.) и капиталистическую.

А это означает, что при решении всех вопросов, меняющих правоспособность и дееспособность этих держав, учет их воли не является индифферентным фактором в современных международных отношениях. Больше того, пожалуй, стоило бы сказать, что учет воли этих держав является абсолютно обязательным, а всякая попытка игнорировать волеизъявление любой из них на практике означала бы нарушение принципа мирного сосуществования государств различных социально-экономических систем и, вместе с тем, попрание важнейшего принципа современного международного права — **принципа паритетности государств различных социально-экономических систем.**

§ 1. О классовости категорий правоспособность и дееспособность государств в международных морских отношениях.

Было бы неправильным думать, что процесс перехода правоспособности государства в его дееспособность — это чисто технический процесс.

Конечно, такой переход во многом зависит и от технической оснащенности государства, экономических потенций страны, их развития, организации и использования.

Однако, главной чертой этого перехода является классовость, а сам переход правоспособности в дееспособность является сугубо классовым.

Объясняется это тем, что во-первых, применение норм международного права и их толкование — это, прежде всего, процесс классовый. Во-вторых, использование и норм международного права, и технических средств и достижений науки и техники в международных отношениях, происходит, в конечном счете, с классовых позиций и для классовых целей. Поэтому, можно сказать, что, если правоспособность государств подчас выглядит “классово бланкетно”⁵, абсолютно одинаково для всех государств, то дееспособность различных государств отличается друг от друга в зависимости от тех классовых целей, средств и методов, которыми они достигаются.

Здесь, попутно, можно отметить большую роль должностных лиц в

применении норм международного права, которую, в частности, удачно отмечает И. Е. Тарханов (командиры военных кораблей и др.)⁶.

Это, прежде всего, классовая роль трансмиссии правоспособности государств в дееспособность. Применение международно-правовых норм военным кораблем (его командиром и экипажем)⁷, позволяет говорить о том, что командование военным кораблем является органом, превращающим международную морскую правоспособность государства в его морскую дееспособность.⁸

Органы внешних сношений государств (дипломаты, консулы, командиры военных кораблей, торгпреды и др.), не только являются инструментом международной дееспособности государства, т. е. органами, которые своими действиями, своей деятельностью превращают международную правоспособность государства в его международную дееспособность, но и являются инструментом создания международной правоспособности государств, поскольку эти органы участвуют в формировании норм международного права.

По-видимому, можно констатировать, что международная правоспособность государства непосредственно не классовая, в то время как международная дееспособность государств классовая.

Иными словами, совокупность прав, обязанностей и ответственности государства на международной арене в каждой конкретной специальной области не имеет прямо выраженного классового характера. А его действия по реализации правоспособности, его дееспособность всегда классовы.

Возьмем, например, режим исключительной морской экономической зоны, статус морских платформ и другие институты современного международного права, которые не выражают прямо того или иного классового характера. Каждое соглашение по международному морскому праву является результатом компромисса не только государств, принадлежащих к одной социальной системе, но часто результатом неидеологического межгосударственного компромисса различных систем — социализма и капитализма, участвующих в создании и поддержании международного правопорядка на морях и океанах.

Зато классовые моменты выявляются в процессе использования ресурсов зоны, функционирования морских платформ, когда, например, выясняется, что капиталистическая монополия, ведущая разведку и добычу минералов, нефти, пренебрегает в погоне за прибылями нормами техники безопасности или допускает аварийную утечку нефти в море, губит все живое, как это было, например, с компанией “Экофиск” в Северном море.

Если классовость правоспособности почти не уловима, т. к. норма одинаково служит различным государствам, различным системам и, как это отмечал еще Е. А. Коровин, ни одна из систем не допустит навязывания себе классовой воли другой, то классовость дееспособности хорошо заметна. Ведь дееспособность — это конкретное использование, применение (и, следовательно, толкование) права и правоспособности на практике каждым данным государством, его господствующими классами.

Именно на дееспособности заметно различное понимание и применение норм международного права различными социально-экономическими системами в международных отношениях.

Возьмем, к примеру, такие институты международного права, как право убежища⁹ (в частности, признаваемое некоторыми учеными и государствами, право убежища на военных кораблях), свобода открытого моря, свобода информации и др. и мы увидим сугубо классовое и сильно различающееся их претворение в жизнь государствами различных классовых систем.

Означает ли это, что нет единого, общего для всех государств международного права? Нет, не означает.

Во-первых, потому, что именно эти институты наиболее ярко показывают классовое различие их понимания. А, во-вторых, потому, что эти институты одинаково устраивают господствующие классы различных государств, несмотря на их различное понимание (или как раз именно в силу свободы различного их понимания).

Возможно, что именно свобода различного классового понимания этих и других институтов современного международного права делает их взаимоприемлемыми институтами общего международного права для различных государств и их господствующих классов.

Возьмем, к примеру, институт консульского представительства, его функции по защите, в частности, морских интересов своей страны в консульском округе, содействия интересам своего торгового и военного флотов. Этот институт имеет много общего для капиталистических стран, с одной стороны, и социалистических, — с другой.

Но, наряду с общим, имеется и много отличного, принципиально иного, классово рознящегося. Но именно это и привлекает господствующий класс каждой страны в указанных институтах.

Эти институты содержат возможность большой свободы классового самовыражения различных государств, свободу классового самоутверждения (до того момента, пока история не решит судьбу государства в пользу коммунизма, что она уже неоднократно и делала).

Иной подход и оценка этих институтов не дали бы возможности понять их сущность и смысл.

Возьмем, к примеру, институт территориального права убежища, распространяемый буржуазной доктриной и практикой ряда стран и на военно-морские корабли. Он, как известно, предполагает право лиц, преследуемых за свои убеждения на территории одного государства, въезжать на территорию другого государства, проживать там и не быть выданными.

На практике нередко капиталистические страны предоставляют право убежища реакционерам, преступникам второй мировой войны, фашистам, членам свергнутых монархических фамилий и другим.

Социалистические страны предоставляют право убежища демократам, борцам за социалистические убеждения.

Принципиально, с позиций демократического правосознания и буквы и духа современного международного права, право убежища должно предоставляться только демократам и борцам за социальный

прогресс и, следовательно, предоставление права убежища реакционерам международно противоправно.

Но в силу принципа суверенитета каждого государства и координационной природы международного права, каждое государство решает этот вопрос самостоятельно для самого себя.

На первый взгляд получается разрыв между формой и содержанием этого института. Практически же этот разрыв отсутствует, т. к. он “закрывается” суверенитетом каждого государства, его свободной дискрецией в этой области.¹⁰

Одно и то же правоотношение может испытывать на себе влияние разных видов дееспособности, когда стороны по-разному превращают свою правоспособность в дееспособность.

Такое положение имеет место, например, в отношениях империалистических держав с одной стороны и молодых государств Азии и Африки, только что освободившихся от колониальной зависимости от этих держав. Если бывшие колониальные державы и передают им морскую технологию и оказывают им помощь в развитии морепользования, то делают это для сохранения своих позиций в развивающихся странах, для насаждения неокOLONИализма.

Зато, их контрагенты по международному договору — развивающиеся страны используют свою дееспособность для такой реализации своей правоспособности и такого развития правоотношений, которые способствовали бы утверждению независимости молодой страны, ее индустриализации и быстрому развитию.

Не только молодые, недавно обретшие независимость страны, борются за свое содержание дееспособности, но и уже сложившиеся государства, например, в Латинской Америке постоянно ведут борьбу за достижение своей эталонной дееспособности, которой они наделены как субъекты международного права. Наглядным примером в этом отношении является борьба Панамы, ее народа, за свой суверенитет и равноправие и международно-правовой статус Панамского канала.

О социальном заказе в создании норм международного морского права.

Вопрос о роли социального заказа в создании норм международного права не освещался. Известно, что в естественных науках многие открытия и изобретения были осуществлены под прямым влиянием так называемого “социального заказа”.

Возникает вопрос, а действует ли этот своеобразный “закон” социального заказа в вопросах теории и практики международного права вообще и международного морского права, в частности.

Можно ли считать, что нормы международного права или международно-правовые доктрины возникают по социальному заказу?

Что касается доктрины, то здесь вопрос решается просто. Можно считать, что, как правило, международно-правовые доктрины, как теоретическое обоснование определенных позиций государств или взглядов ученых довольно часто имеют своим основанием не столько развитие какого-либо института или национальной науки международного права “из самой себя”, сколько прямое задание господствующих классов,

считающих необходимым обосновать в международно-правовом порядке свои интересы и позиции.

Несколько сложнее обстоит вопрос о социальном заказе как основе норм международного права или практики их применения.

Эта сложность определяется не тем, что появление норм, институтов и отраслей международного права не обязано прямым потребностям определенных государств и их господствующих классов, а тем, что нормы, институты, отрасли международного права являются результатом деятельности не одного, а двух или нескольких, а иногда нескольких десятков государств и соответствующих господствующих классов. Примером тому являлись все международные конференции по кодификации норм международного морского права (Гагская 1930 г., Женевские 1958 и 1960 гг. и, особенно III Конференция ООН по морскому праву 1982 г.)

Социальный заказ в международных отношениях, по-видимому, возникает, как совпадающий социальный заказ господствующих классов нескольких государств, как коллективный социальный заказ, детерминированный сходными условиями и потребностями.

Например, потребность в регламентации морской деятельности в морской экономической зоне возникла не потому, что какое-то одно государство, его господствующие классы пожелали этого, а потому, что этого пожелали под влиянием соответствующих экономических и политических факторов многие государства. Вместе с тем, такая потребность может возникнуть как потребность сначала одного государства, которое стремится легализовать свои определенные притязания. Но только с момента признания этой потребности и притязания другими заинтересованными государствами, эта потребность и правопритязание может стать нормой международного права, а социальный заказ в международном праве легализованным и выполненным.

Социальный заказ соответствующего государства на создание нормы, разрешающей осуществление им ряда прав в морской экономической зоне здесь очевиден. Но также очевидно здесь и то, что норма международного морского права не могла здесь появиться без согласия, разрешения других государств.

Развитие экономики, международного разделения труда, обмена между государствами приводили к тому, что те или иные интересы (в нашем примере интересы развития посредством морепользования) становились интересами не 1—2, а многих государств, что содействовало реализации определенного коллективного социального заказа и появлению норм международного права (в нашем примере, к появлению проекта норм о статусе экономической зоны, содержащихся в “Неофициальном Сводном тексте для переговоров государств по морскому праву”).

С точки зрения теории возникает два вопроса: 1. А можно ли говорить о коллективном социальном заказе и 2. О возможности говорить о совместном социальном заказе государств различных социально-экономических систем.

Что касается коллективного социального заказа группы государств

однотипного характера (только рабовладельческие, только феодальные, только капиталистические и только социалистические государства), то здесь проблемы нет. Можно утверждать, что индивидуальные и коллективные потребности государств приводят к их коллективным интересам и коллективным социальным заказам, приводящим, в свою очередь, к созданию общих для них норм международного права, отвечающих их социальному заказу.

Сложнее обстоит вопрос с коллективным социальным заказом государств, принадлежащих к различным системам.

Например, и капиталистические и социалистические государства заинтересованы в легализации новых видов морепользования (добыча нефти и газа, охрана морской среды, научные исследования и т. д.), заинтересованы в соответствующей системе норм, регулирующих их международные морские отношения.

Можно ли в этом случае говорить о социальном заказе, лежащем в основе международно-правовых норм, регулирующих отношения разнотипных государств?

По-видимому, можно. Ведь каждый господствующий класс разнотипных государств, участвующих в создании норм международного морского права, заинтересован обеспечить свои классовые интересы в данном вопросе и, таким образом, в основе соответствующей общей для государств различных систем нормы международного права лежит его социальный заказ, потребность, цель.

Таким образом, формально одинаковый заказ на обслуживание своих международных морских отношений является в то же время весьма различным для различных в классовом отношении государств и в этом плане он является конкретно-социальным уже при создании общих норм международного права.

После создания нормы международно-правового поведения одинаковой для всех государств, во главе которых стоят разные классы, ее классовый характер может быть выявлен только практикой ее применения.

Но классовый характер соответствующего социального заказа и формально общих норм международного права усиливается и становится нагляднее на поздней стадии толкования и еще часто более поздней стадии применения соответствующих норм.

И толкование и применение норм международного права выявляет классовый характер современного международного морского права и лежащий в их основе социальный заказ.

§ 2. Правоспособность и дееспособность государств в международных морских отношениях до и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В течение многих десятилетий империалистические морские державы формировали каноны поведения государств в Мировом океане. Мы говорим “каноны”, т. к. до самой Великой Октябрьской социалистической революции и выхода Советского государства на международную арену нормы эти имели открыто неравноправный характер.

Недаром и в английской и во французском языках сапоп означает также “пушки”.

После Октябрьской революции политика Советского государства, мировое общественное мнение, борьба народов привели к большей демаскировке империалистической политики держав на Мировом океане.

До создания Советским Союзом своего могучего флота, до укрепления мировой системы социализма и появления новых флотов других социалистических стран (ПНР, НРБ, ГДР) и других и правоспособность государств и их дееспособность определялись на морях и океанах политикой нескольких империалистических морских держав — Англии, Франции, Японии, Италии, США.

Ряд норм международного морского права был прямо рассчитан на монопольное использование этих держав, поэтому даже правоспособность государств на Мировом океане из-за империализма господствующего здесь была неравной. О дееспособности не приходится и говорить — она была далеко неравной и только считанные государства могли рассматриваться как дееспособные в морских отношениях. Да и в самих отношениях этих морских держав существовали иерархия и большое неравенство.

Сотни миллионов человек, десятки стран были вне морской и правоспособности и дееспособности по вине империализма.

Это, однако, не мешало морским державам использовать свои колонии или зависимые страны в собственных целях. Так, США содержали и содержат большой флот под “дешевыми” флагами подставных государств, например, Либерии.

После раскрытия морских технических потенций и появления мощных торговых и военных флотов СССР и других социалистических государств международное морское право получило новую окраску.

Была в значительной мере нейтрализована или ограничена способность империалистических морских держав диктовать свои нормы права и использовать другие государства и их дееспособность в своих целях.

После второй мировой войны нормативным отголоском буржуазной колониалистской концепции отсутствия правоспособности и дееспособности у зависимых народов явились известные статьи Устава ООН, предусматривавшие режим опеки.

И если этот институт был досрочно ликвидирован в относительно короткие исторические сроки, то только благодаря Советскому Союзу, который все время делал все зависящее от него для того, чтобы в максимальной степени превратить общую (эталонную) правоспособность и дееспособность колониальных народов в их конкретную правоспособность и дееспособность.

Не говоря уж о роли самих колониальных народов и их национально-освободительных движениях.

Следует также отметить, что на определенном этапе колониальным державам стало выгодным допустить превращение основной правоспособности колониальных народов в их основную дееспособность, ибо, сохраняя на многие годы свои экономические связи и рычаги господства, колониальные державы, через дееспособность своих бывших ко-

лений получали дополнительные права и дополнительную дееспособность.

Благодаря дееспособности своих бывших колоний, а ныне равноправных, правоспособных и дееспособных субъектов международного права и международных отношений, колониальные державы получили дополнительные голоса в международных организациях — ООН, ее специализированных учреждениях, других международных организациях и дополнительные возможности в международных отношениях.

Более того, если ранее колониальные державы должны были (хорошо или плохо ли, но должны были) содержать свои колонии, “нести за них ответственность”, то теперь, благодаря независимости новых государств, эта обязанность с колониальных держав снята, а новые государства получают техническую помощь и другое содействие через ООН, ее специализированные учреждения и почти от всех технически развитых государств.

Международное морское право, как и общее международное право в целом, приобрело после второй мировой войны, завершившейся разгромом фашистской коалиции трех морских держав — Германии, Италии и Японии, при решающей роли Советской Армии, ее Военно-морского флота, более демократический характер.

К сожалению, это не всегда понимают некоторые руководители отдельных развивающихся стран, поскольку отмечены случаи, когда ряд представителей развивающихся стран в своих выступлениях в ООН и на III Конференции ООН по морскому праву заявляли, что современное международное морское право является “империалистическим”. Они неправомерно считали нормы Женевских конвенций 1958 г. империалистическим комплексом, хотя хорошо известно, что Советский Союз, другие социалистические страны содействовали установлению демократического характера этих норм.

И уже совершенно недопустимо отнесение СССР к морским империалистическим державам. Такого рода заявления являлись или результатом глубокого неведения или плодом антикоммунизма и демагогии. Хороший отпор этим заявлениям дали представители СССР в комитете ООН по дну и на III Конференции ООН по морскому праву О.Н. Хлестов, Л.М. Менделевич и другие.

Если в современную нам эпоху молодые развивающиеся страны начинают выходить на Мировой океан, создают свои флоты, рыбопромысловую промышленность и т. д., приобретают равные права в международных морских отношениях, то это, в первую очередь, было определено наличием Советского Союза, мировой социалистической системы, их морскими потенциалами, флотами, техникой, наукой, не позволившим морским державам диктовать развивающимся странам свои империалистические условия на морях и океанах и не только на них.

Отсутствие морской потенции Советского Союза и других социалистических стран не позволило бы сократить разрыв между правоспособностью и дееспособностью развивающихся стран, не дало бы им возможности равноправно выйти как на международную арену, так и на Мировой океан. Об этом нельзя забывать.

И в дальнейшем перспектива расширения и дальнейшей демократи-

зации правоспособности всех государств и их дееспособности в значительной мере зависит от того баланса на морях, от того противовеса империализму, который создается Россией и другими государствами. Этим же целям служат двусторонние морские отношения социалистических стран с развивающимися.

Империалистические морские державы это понимают, поэтому они всячески раздували тезис о выходе на Мировой океан советского "агрессивного" флота, о его "угрозе" миру.

В политике империалистических держав явно прослеживается "морской антикоммунизм". Этим они пытаются достичь следующих целей: 1. разъединить социалистические и развивающиеся страны в морских и иных международных отношениях, 2. обеспечить собственное господство на морях и океанах и донных пространствах, 3. очернить миролюбивую политику Советского Союза, а затем России, в глазах мирового общественного мнения.

В наши дни империализм также стремится сохранить разрыв между правоспособностью и дееспособностью других государств при помощи методов "морского неокOLONиализма" (фрахтовая политика, занятие концессий на шельфах развивающихся стран на неравновоЗможных условиях, демонстрация военно-морской силы и других средств из арсенала неокOLONиализма).

Все это не мешает, однако, морским державам свой морской неокOLONиЗм маскировать демагогией о тех богатствах, которые могут извлечь развивающиеся страны со дна морей и океанов с их помощью, в международном механизме и т. д.

К сожалению, на эту удочку, особенно в первые годы, работы комитета по дну, развивающиеся страны поддались.

Объявив, в частности, все развитые страны ответственными за неравную морскую дееспособность развивающихся стран, они стали требовать установления равной конкретной дееспособности с технически развитыми странами на морях и океанах, хотя нереальность этого требования ясна и доказывается всей историей международных отношений. Как уже отмечалось, дееспособность даже развитых индустриальных держав между собой рознится по ряду причин, а между правоспособностью каждой из этих держав и ее дееспособностью часто существует расхождение, также детерминированное объективными факторами.

§ 3. Морская правоспособность и дееспособность государств на примере Панамского канала

Общепризнанно, что согласно принципу суверенитета, государство, на территории которого расположен международный канал, пользуется всеми, вытекающими из суверенитета прерогативами, правами, льготами и привилегиями. Оно может исключать действие любых других властей на своей территории вообще и в районе международного канала, в частности.

Вместе с тем, государство, по территории которого проходит канал, обязано не препятствовать свободе мореплавания, свободе прохода через канал иностранных торговых судов и военных кораблей на равной,

недискриминационной основе для всех стран мира. Кроме того, приканальное государство следит за точным соблюдением проходящими судами нейтралитета канала, а также всех установленных технических правил, норм и стандартов (имеются ввиду навигационные правила, лоцманская проводка, карантинные правила, нормы осадки и т. д.).

Соблюдая принцип свободы открытого моря, предполагающий свободу прохода из одного моря в другое и следовательно свободу прохода через каналы, приканальное государство само имеет право на уважение своего суверенитета над каналом, а также право на уважение принципа невмешательства во внутренние дела приканального государства со стороны иностранных властей и судов.

Совокупность суверенных прав, обязанностей и ответственности государства, на территории которого расположен канал, входит в его международную правоспособность.

Таким образом, исходя из основных принципов современного международного права, Панама обладает правоспособностью над территорией Панамского канала, проходящего через ее национальную суверенную территорию.

Однако, международная правоспособность Панамы была ограничена кабальными, неравноправными договорами США с Панамой 1903, 1936 и 1955 гг. Эти неправомерные договоры, особенно основной договор 1903 г., с одной стороны сузили правоспособность Панамы в Зоне Панамского канала по сравнению с той эталонной правоспособностью, которая определяется незабываемыми принципами суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а с другой стороны, они парализовали дееспособность Панамы, как в Зоне Панамского канала, так и в ряде других районов Панамы, занятых под американские военные базы.

Под дееспособностью здесь имеется в виду практическая способность Панамы претворить в жизнь, реализовать на практике свою правоспособность, связанную с Панамским каналом и вытекающую из основных принципов международного права.

Этот разрыв между правоспособностью и дееспособностью Панамы в отношении Панамского канала, расположенного на ее собственной территории, показывает, насколько верна латиноамериканская поговорка — между сказанным и сделанным лежит большая канава.

Процесс сближения дееспособности Панамы с ее правоспособностью в отношении Панамского канала растянулся из-за препятствий, созданных колониальной политикой США, на целых 74 года и до сих пор не только еще не завершен, но, как это будет показано дальше, заторможен еще на 22 года.

И правоспособность, и дееспособность Панамы, как уже было отмечено, были ограничены Соединенными Штатами Америки по договору 1903 г.

В последующем, изменения, установленные договорами 1936 и 1955 гг. под давлением панамского народа, латиноамериканского и мирового общественного мнения, медленно и в минимальной степени, но все же расширяли дееспособность Панамы над Панамским каналом.

Так, если по договору 18 ноября 1903 г. США получили право

осуществлять свою власть в Зоне Панамского канала “как, если бы они были сувереном” (ст. III), то 33 года спустя договор 22 марта 1936 г. увеличил арендную плату в пользу Панамы и отменил унижительные для Панамы ст. ст. I и VII договора 1903 г., признававшего за США право “поддержания порядка” внутри Панамы.

Еще через 20 лет договор 25 января 1955 г. отменил монопольное право США строить шоссейные и железные дороги на Панамском перешейке и предусмотрел возврат Панаме части земель в Зоне Панамского канала, а также увеличил арендную плату.

Однако, по-прежнему, все эти договоры имели кабальный для Панамы и ее народа характер. В основном, американский империализм “откупался” от Панамы увеличением арендной платы и возвращением небольшой части территориальных участков Панамы.

Совместная декларация, подписанная в феврале 1974 г. “Об основных принципах ведения переговоров с целью заключения нового договора о Панамском канале” содержала принципиальный отказ США от так называемого “принципа вечности”.

Наконец, новый шаг в восстановлении суверенных прав панамского народа, в расширении его дееспособности над Панамским каналом сделал, заключенный под давлением общественного мнения и борьбы Панамы и всей Латинской Америки, Договор между правительствами Картера и Торрихоса от 7 сентября 1977 г., отменивший ряд старых и установивший ряд новых норм, регулирующих режим канала.

Как известно, движение международно-правовых норм совершается во времени и пространстве. Изменяющиеся условия национальной и международной жизни, изменение международных отношений, особенно под влиянием таких эпохальных событий, как Великая Октябрьская социалистическая революция с ее идеями и принципами мира и демократии, национального и социального самоопределения народов; как национально-освободительные движения и образование десятков новых независимых государств развивающихся стран, в том числе в Латинской Америке, перестройка международных экономических отношений и др. делают абсолютно неизбежными изменения таких надстроечных категорий, как право и, в частности, международное право, регулирующие эти отношения.

Однако такой адекватной адаптации норм, регулирующих режим Панамского канала практически не происходило из-за твердокаменности и консерватизма американской стороны. Здесь можно напомнить, что американская юридическая доктрина, в частности международно-правовая, гордится своим прагматизмом и быстрой реакцией на изменившиеся обстоятельства.

По концепции американских прагматиков нормы, как только этого требуют изменившиеся обстоятельства и американские интересы, должны быть отброшены в сторону и заменены новыми, часто диаметрально противоположными. Однако жизнь показывает, что, несмотря на кардинально изменившиеся обстоятельства и в Латинской Америке и во всем мире, у американских правотворцев рука не поднялась для изменения неравноправия сторон по договорам 1903, 1936, 1955 гг., а договор 1977 г.,

хотя и является важным событием в жизни панамского народа, все же не отменил ее неравноправного положения, не вернул ей суверенитета над Панамским каналом, сохранил возможность “легального” вмешательства США во внутренние дела Панама за ширмой защиты канала.

Так, жизнь, в течение десятков лет, демонстрировала разрыв между словами и делами американской науки международного права в духе известной восточной поговорки “слова твои как мед, дела твои как перец”.

Чтобы убедиться в справедливости этих слов, обратимся к текстам соглашений 1977 г.

“Договор о Панамском канале” от 7 сентября 1977 г. состоит из четырнадцати крупных статей и многочисленных приложений (соглашений, в целом, занимающих более 100 страниц типографского текста). Каждая из статей основного договора кратко озаглавлена.

Ст. I — Отмена предыдущих договоров и установление новых отношений

Ст. II — Ратификация, вступление в силу и продолжительность

Ст. III — Функционирование канала и управление им

Ст. IV — Защита и оборона

Ст. V — Принцип невмешательства

Ст. VI — Защита двумя Сторонами

Ст. VII — Флаги

Ст. VIII — Привилегии и иммунитеты

Ст. IX — Применимые законы и исполнение законов

Ст. X — Применимый трудовой режим

Ст. XI — Правила в переходный период

Ст. XII — Канал на уровне моря или третья введение в действие шлюзов

Ст. XIII — Передача имущества и экономическое участие Панамской Республики

Ст. XIV — Урегулирование споров

Приложения.

Среди приложений — Соглашение по выполнению ст. III Договора о Панамском Канале (о функционировании и управлении каналом), Соглашение по выполнению ст. IV Договора о Панамском Канале (о защите и обороне канала), специальный договор, касающийся постоянного нейтралитета Канала и функционирования Панамского Канала и другие.

Анализ основного договора 1977 г. показывает, что в нем, наряду с улучшениями, по сравнению с ранее существовавшими правовыми нормами, существуют нормы, которые не соответствуют основным принципам современного международного права, а права военного и гражданского персонала США, права США, в целом, в Панаме по-прежнему нарушают суверенитет Панама, ставят ее в неравноправное положение.

К некоторым улучшениям относятся следующие. В новом договоре определенно указано, что Панама ведает управлением и обороной канала после истечения срока его действия 31 декабря 1999 г.

В зоне канала Панама осуществляет свою юрисдикцию — полицей-

скую, противопожарную, таможенную, судебную в 30-месячный срок с момента вступления договора в силу. Упразднены американские институты: Зона Панамского канала, Администрация и Компания Панамского канала. Отныне в бывшей “Зоне” действует панамское уголовное и гражданское законодательство. Вместо компании создается новая американская государственная Комиссия по управлению Каналом, которая не будет осуществлять никаких коммерческих функций. Эти функции отныне могут осуществляться только на основе панамских законов. Ранее обширную коммерческую деятельность в зоне канала, в частности оптовую и розничную торговлю, погрузочно-разгрузочные работы и обеспечение пассажиров и ряд других осуществляли Компания Панамского канала и администрация Зоны Панамского канала.

Специально указывается, что в Республике Панама американские военнослужащие и гражданские чиновники будут воздерживаться от всякой политической деятельности и вмешательства во внутренние дела страны.

После 31 декабря 1999 г. Канал и его вспомогательные сооружения полностью перешли к Панаме. В новой Комиссии Панамского канала создан руководящий Совет, где из 9 членов 5 американцев и 4 панамских гражданина, назначенных правительством Панамы, Заместитель Управляющего каналом — панамец.

Наем непанамского персонала производится только при отсутствии подходящих кандидатов на вакантные места. В течение 5 лет число американских граждан, находящихся на службе у прежней Компании Панамского канала, будет сокращено на 20 %.

Обещано “растущее участие панамцев” в органах управления Каналом. Максимальный срок работы каждого американского гражданина после вступления в силу договора — 5 лет.

В области зарплаты, предоставления трудовых льгот и различных выплат не будет практиковаться дискриминация по признаку национальности, пола или расы. Уже нет так называемых “постов, требующих особой благонадежности”, которые могли занимать только граждане США.

Республика Панама и США совместно несут ответственность за оборону Панамского канала. Участие Панамы в обороне Канала будет расширяться.

США будут размещать, обучать и транспортировать войска только в соответствии с положением об американских войсках в Панаме. В мирное время США обязуются не расширять бывшей зоны Панамского канала. После истечения срока действия договора, Панама получила исключительное право на управление каналом, содержание вооруженных сил, создание оборонных объектов на всей его территории.

После вступления в силу договора 1977 г. на всей панамской территории поднят панамский флаг. Флаг США поднят только в Резиденции Комиссии по управлению Панамским каналом, а также на оборонных объектах.

Панама получила повышенный доход от эксплуатации канала — 80 мл. долл. в год, в течение 23 лет (сюда, в частности входят 30 % до-

ходов за каждую тонну груза, перевозимого по каналу). США предоставили Панаме ряд обширных кредитов.

Предоставляя США по-прежнему право на использование до 1999 г. сухопутных и водных ресурсов, необходимых для функционирования канала Панамы, вместе с тем, по новому договору, освободила и вернула себе 70 % сухопутных и водных районов, которые до того занимали США, а также находящиеся на них объекты, имущество (здания, сооружения и т. д., начиная от стадионов и кончая кладбищами). “Зона канала”, как пространственный американский колониальный анклав на территории Панамы, прекратила свое существование. Однако, как это будет отмечено далее, американский гражданский и военный персонал с обширными иммунитетом и привилегиями на территории Канала, да и в самой Панаме продолжает оставаться.

Обращает на себя внимание ст. V Договора о Панамском канале, гласящая о невмешательстве американских должностных лиц во внутренние дела Панамы. С одной стороны, это положение прогрессивно, но — с другой, строго говоря, для современного уровня международных отношений, она, в таком виде, выглядит как анахронизм, поскольку для современного международного права аксиоматично, что должностные лица одного государства не должны вмешиваться в политическую жизнь другого государства, его внутренние дела. Включение этой статьи в текст договора, видимо, вызвано серьезными причинами.

В таком же плане может быть оценена ст. X п. 6 о расовой дискриминации на службе.

В условиях капиталистической действительности приобретают значимость нормы, направленные на предоставление трудящимся права заключать коллективные договоры (ст. X п. 9), а также права профсоюзов на объединение друг с другом, и связь с международными профсоюзными организациями — п. 9 (в).

Также, видимо, важна и должна быть оценена положительно ст. XII п. 2(в), указывающая, что США не будут договариваться с третьими государствами о строительстве нового канала без согласия на то Панамы. Следует при этом отметить маленькую деталь — ведь речь идет о территории суверенной Панамы и недопустимость подобных действий США или какого-либо другого государства очевидна и без фиксации этого в договоре.

Эти комментарии приложимы к п. 5 ст. XII, фиксирующему, что без согласия Панамы США не могут использовать ядерную технику для земляных строительных работ на территории Панамы (!).

Не соответствующим принципам современного международного права и другим положениям, заключенных соглашений. До конца 1999 года на вооруженных силах США лежала главная ответственность за защиту и оборону канала. Правительство Панамы гарантировало правительству США право на размещение войск в Панаме и на использование всех земель и вод необходимых для обороны канала.

По Договору, касающемуся постоянного нейтралитета канала и функционирования Панамского канала, подписанному в ту же дату, США сохраняли за собой постоянное право охранять нейтралитет

канала от любой “угрозы”. Американские военные корабли на неопределенный срок получили постоянное право так называемого “быстрого” и “ничем не ограниченного прохода через канал”.

США сохраняли контроль над использованием всех земель, вод и объектов, включая военные базы, необходимые для управления каналом, для его эксплуатации и обороны. Руководить каналом поручалось управлению правительства США. Это управление обеспечивало контроль над экономикой канала со стороны США до 1 января 2000 года.

В бывшей Зоне Панамского канала теперь Панама может использовать только те участки земли, которые не нужны для эксплуатации и обороны канала.

По-прежнему, львиная доля доходов от канала отходит к США, а обширные кредиты, которые предоставят США Панаме лишь содействуют обогащению американских промышленников и торговцев, способствуют прибыльным для американцев капиталовложениям в Панаме.

Все американские служащие, которые ранее работали в Зоне Панамского канала, продолжают работать на службе у правительства США и, по-прежнему, пользуются обширными правами, льготами и привилегиями. В частности, ст. VIII Договора о Панамском Канале и ряд других норм предусматривают обширный иммунитет американских организаций и лиц. Не ясно только одно — а с какой стати?

Перечень прав, льгот и привилегий американского гражданского и военного персонала в Панаме настолько обширен, что создается впечатление, что речь идет об американцах, проживающих в США, а перечень пунктов Панамы, где размещался американский гражданский и военный персонал настолько объемист и разнообразен, что читается как географический указатель Панамы. За отсутствием места нет никакой возможности все это приводить здесь.

Отметим, в частности, что ст. III Договора о Панамском Канале (т. е. о функционировании и управлении каналом) сохраняли за США право пользования телекоммуникациями, радио и т. д. “необходимых для управления каналом”. И только 1 января 2000 года, т.е. через 22 года после подписания Договора эти средства, пользование которыми на территории всякого суверенного государства иностранцами не разрешается, перешли к Панаме.

По ст. XII упомянутого Соглашения США могли ввозить в Панаму и вывозить из нее свой гражданский персонал и иждивенцев “в неограниченном числе”, а Панама была обязана быстро выдавать им разрешение и гарантировать это. По ст. XIII США могли использовать корабли, самолеты и другой транспорт в районе канала по своему усмотрению.

Ст. ст. XV и XVI указывали, что члены Комиссии и их иждивенцы почти полностью освобождаются от всяких панамских налогов. Ст. XVII подчеркивает, что США сохраняли право проводить топографические, гидрографические, сельскохозяйственные и другие исследования в районах Панамы, находящихся под их контролем.

Хотя ст. XIX провозглашает распространение панамской уголовной юрисдикции на американских граждан, совершивших преступление, однако последняя сводится на нет оговоркой о благожелательном отно-

шении панамских властей и отказу их от своей уголовной юрисдикции в пользу властей США, в частности, если преступление американца совершено “при исполнении служебных обязанностей” (п. 2а).

Хорошо известно, что подобная же формула широко применяется в рамках НАТО, обеспечивая безнаказанность американских военнослужащих, совершивших уголовные преступления и гражданские правонарушения (порча имущества, неуплата долгов, уклонение от уплаты алиментов и др.) на территории стран пребывания. Хулиганство, грабеж, кражи, изнасилование, растление малолетних, контрабанда, торговля наркотиками — спутники безнаказанности, прикрытой формулой об “исполнении служебных обязанностей”. Известно, что американские военные власти за рубежом охотно выдают справки о том, что преступник был “при исполнении служебных обязанностей”, широко толкуют это понятие, т. к. само пребывание военнослужащего за рубежом уже рассматривается как нахождение на службе, даже когда он отдыхал и развлекался¹¹.

Небезынтересно, что гражданские служащие США (не говоря уж о военных) могут носить личное оружие (ст. XX п. 2).

Приложение “А” к этому соглашению предусматривает огромный перечень географических пунктов Панамы, переданных в пользование США.

Специальное соглашение США с Панамой оговаривало права граждан третьих государств в Панаме, используемых американцами для управления Каналом. Американские юрисдикционные права по новым соглашениям — напоминают режим капитуляций, навязанный империалистами в прошлом странам Востока.

Еще более ограничены суверенные права Панамы положениями другого соглашения от 7 сентября 1977 г. — “Соглашения о выполнении ст. IV Договора о Панамском Канале” (т. е. о дислокации вооруженных сил США в Панаме). Ст. XI этого соглашения, посвященная вопросу об уголовной юрисдикции над военнослужащими США, дислоцированными в Панамской Республике, после чисто декларативной фразы о том, что “Власти Республики Панама будут иметь право суда над членами вооруженных сил (США — *авт.*) или членами гражданского персонала и лицами, проживающими совместно с ними, в отношении преступлений или упущений, совершенных в Республике Панама, которые будут наказываться по закону Республики Панама”, поставлено многозначительное “Однако”. Вслед за этим словом указывается, что “Республика Панама разрешит властям США осуществлять уголовную юрисдикцию” в отношении преступлений, совершенных американцами в местах дислокации военно-опорных пунктов США и их военных баз, а также в отношении преступлений, направленных против американских интересов, лиц и имущества. Наконец, и здесь присутствует также всеобъемлющая формула в отношении преступлений, “совершенных при исполнении своих служебных обязанностей” (п. 2 “с” ст. VI). Причем, справка, выданная властями США о том, что военнослужащий совершил преступление при исполнении им своих служебных обязанностей, признается Панамой

“достаточной” для отказа панамских властей от своих прав на ведение следствия и суда.

Говорят, что “вещи познаются в сравнении”. В этом плане, сравнивая Договор 1977 г. с Договором Мальярино-Бидлака между Новой Гранадой и США, заключенным в Боготе 12 декабря 1846 г., следует признать, что этот договор XIX века был более равноправным и демократическим, чем современный договор, афишируемый США.

Так, договор 1846 г., в частности, предусматривал, что граждане, корабли и товары США при пересечении Панамского перешейка пользуются “равенством в правах” с гранадскими гражданами, что они “будут платить те же налоги, что и гранадские граждане”, что “Соединенные Штаты также гарантируют права суверенитета и собственности, которыми располагает и владеет Новая Гранада над упомянутой территорией” (Панамский перешеек — *авт.*), см. ст. XXXV договора¹².

Пункт 4 этой статьи указывает, что “Если один или несколько граждан любой Стороны нарушат какую-либо статью этого договора, то такие граждане будут нести за это личную ответственность и дружественные отношения между Сторонами не будут нарушены этими фактами.

Ни одна из Сторон ни в коем случае не будет защищать нарушителя или санкционировать такое нарушение”¹³.

Сравнивая эти два договора, последний из которых преподносится как великое достижение и прогресс, исследователь видит, как много воды утекло с тех пор, и может сделать только один вывод: прогресс есть, но это прогресс империализма.

О том, что нынешнее положение США в Панаме — это практически положение, вытекающее из давно отвергнутого международным сообществом народов “права завоевателя”, можно судить по тому обязательству, которое на себя взяли США по договору с Англией 1850 г. (Договор Клейтон-Бульвера между Соединенными Штатами Америки и Великобританией о строительстве и обороне межокеанского канала, ратифицирован США 11 июня 1850 г.). В ст. 1 этого договора, в частности, говорится, что США “не будут также извлекать выгод из близости и пользования союзом и связью с каким-либо государством или правительством, через территории которого названный Канал может проходить, в целях приобретения или сохранения прямо или косвенно для подданных или граждан одной Стороны таких прав и преимуществ в отношении торговли или судоходства на названном Канале, которые не были бы предоставлены на тех же самых условиях подданным или гражданам другой Стороны”¹⁴.

Если даже считать, что положения этого договора сегодня не имеют юридической силы и учесть, что они явились компромиссом в борьбе американского и английского империализма, то и тогда следует признать, что эти положения договора очень хорошо оттеняют, как США используют “союз” с Панамой для того, чтобы удерживать для себя и своих граждан максимальные преимущества, как в районе международного канала и в связи с каналом, так и в Панаме вообще.

Об этом красноречиво свидетельствует также еще один документ —

Договор, касающийся постоянного нейтралитета канала и функционирования Панамского Канала, подписанный 7 сентября 1977 г.

После указаний о том, что постоянный нейтралитет Канала провозглашен в одностороннем порядке Панамой (словесная дань суверенитету), фиксируется, что и в мирное, и в военное время он остается открытым для мирного абсолютно равноправного прохода судов всех стран с тем, чтобы Панамский Канал и Панамский перешеек не могли стать объектом для ответных действий при каком-либо вооруженном конфликте между другими государствами мира (ст. I и II).

Ст. IV предусматривает, что режим постоянного нейтралитета Панамского канала поддерживают Республика Панама и США. Это положение действительно в течение срока действия Договора о Панамском канале 1977 г., т. е. до 2000 г.

Ст. VI указывает, что “В виде признания важности вклада Республики Панама и США в сооружение, функционирование, поддержание, защиту и оборону Канала” военные и военно-вспомогательные корабли обоих государств будут иметь право проходить канал “независимо от каких-либо условий и быстро”.

Панама и США будут содействовать присоединению других государств к Договору о постоянном нейтралитете канала, поддержке ими нейтралитета и соблюдению его. В этих целях в Организации Американских Государств будет открыт Протокол о присоединении к Договору о постоянном нейтралитете канала, а ОАГ явится депозитарием названного договора и документов о присоединении к нему (ст. VII).

В целом система этих договоров и соглашений США с Панамой 1977 г., конечно, является определенным важным шагом вперед по сравнению с существовавшим положением, шагом на длинном, как оказалось, историческом пути освобождения Панамской территории.

Вместе с тем, многое зависит не только от буквы этих соглашений (которые сами по себе, как мы уже отметили, лишь частично учитывают суверенные права Панамы), но и от практики их применения. Даже ограниченная и новыми договорами правоспособность Панамы в районе Канала должна еще быть дополнена дееспособностью, реальным претворением в жизнь. Враги договора, американская реакция и милитаризм стремятся омертвить даже эту неполноценную систему соглашений или же превратить ее на практике в юридический постулат не наполненный содержанием.

Конечно, силы реакции и регресса будут стремиться помешать претворению в жизнь положительных норм и этих соглашений. Они рады были бы оставить за США колониальные права, приобретенные еще в начале XX века. Как это не раз бывало в прошлом, они будут стремиться к тому, чтобы договор остался на бумаге. Таким образом, вопрос о превращении международной правоспособности Панамы в отношении Панамского канала в ее дееспособность по-прежнему остается предельно актуальным.

С одной стороны, стоит задача обеспечить соблюдение тех более прогрессивных (по сравнению с предыдущими договорами) положений новых соглашений, которые могут рассматриваться как шаг вперед в

реализации дееспособности Панамы, а с другой — не менее важна задача достижения полной международной дееспособности Панамы в отношении ее канала, в соответствии с принципами уважения суверенитета и невмешательства в ее внутренние дела. В этом отношении еще предстоит преодолеть движение американской реакции, идущей под лозунгом “Нет Панамского канала, а есть американский канал в Панаме”¹⁵.

Таким образом, решение вопроса о максимально быстром восстановлении прав Панамы в Зоне Панамского канала и переводе ее правоспособности по данным договорам в дееспособность, так же как и решение более широкого вопроса о полном восстановлении суверенитета Панамы над каналом будет зависеть от многих факторов. Среди них — решимость панамского народа продолжать и усилить антиимпериалистическую борьбу, решимость панамского правительства добиться восстановления суверенных прав Панамы, общественное мнение стран Латинской Америки, мировое общественное мнение, поддержка ООН и ряд других факторов, определяющих перевес сил мира и прогресса над силами реакции и войны.

И международное сообщество и народ Панамы имеют уже многие годы перед собой практический пример демократического решения вопроса о восстановлении суверенитета приканального государства и установлении международно-правового режима канала правительством Насера в Египте в зоне Суэцкого канала. И лишь соседство могучей державы, оккупировавшей Зону Панамского канала и создавшей военные базы в Панаме, не дает ей возможности национализировать канал и поставить его эксплуатацию на подлинно международно-правовую основу по примеру Суэца. Вот почему новые документы одобрило в плебисците не 100 %, а 66 % панамцев¹⁶.

Анализ всех названных документов 1977 г. показывает, что мало что изменилось в неравноправном положении Панамы.

Изменилось название американского органа, управляющего каналом: вместо частной Компании — это государственная Комиссия. Сущность же органа мало изменилась. Хотя и ликвидирована Зона Панамского канала, как пространственная сфера, сплошной юрисдикции США, тем не менее, в этом же пространстве бывшей зоны сохранены обширные юрисдикционные права Комиссии США, иммунизированных американских граждан и военнослужащих. Из многочисленных опорных пунктов, занятых американским персоналом на территории Панамы, ей возвращена только часть таковых. На остальных гражданских и военных опорных пунктах и военных базах находится по-прежнему американский персонал, изъятый из-под действия местной юрисдикции, иммунизированный от нее. Восстановление суверенных прав Панамы на своей территории и в отношении Панамского канала было отсрочено еще раз, до 2000 года.

За минувшее время выросло еще одно поколение панамских граждан, которые познали горечь присутствия на их национальной территории недружественных американских войск и военных баз и всех унижительных последствий, связанных с практической безнаказанностью иностранцев.

9/10 всех доходов от канала Панама по-прежнему уходило в сейфы американских банкиров.

Для Панама и ее народа, в силу всего вышеизложенного такие принципы, как суверенитет, равноправие, невмешательство во внутренние дела и др., провозглашенные еще в 1945 г. Уставом Организации Объединенных Наций, стали реальными только в 2000 году, т. е. спустя 55 лет.

И хотя реакционные круги США изображают Договор о Панамском канале 1977 г. как “предательство” американских интересов, а официальное руководство Панама, наоборот, рассматривает этот договор, как эпохальную победу, трудно освободиться от мысли, что “гора родила мыш”.

Чтобы понять это достаточно еще раз обратиться к образу. Если непрошенный гость въехал в Ваш дом и занял там ряд комнат, с которых получает еще и доход, а затем освобождает некоторые комнаты, оставив за собой остальные, то вряд ли такое положение можно назвать равноправным. Практически эти отношения по-прежнему кабальные. Они не могут быть оценены иначе даже, если гость: 1) обещает не вмешиваться в процессе проживания во внутренние дела хозяина, 2) стал делиться частью доходов, получаемых им от занятой в доме площади, 3) обещает вернуть хозяину дома остальную площадь.

Поистине можно сказать, что термин “Панама” продолжает оставаться нарицательным для обозначения крупных афер, которые в прошлом привели к банкротству более 800 тыс. держателей акций французской компании канала, а в последующем привели к банкротству надежд полуторамиллионного народа на полное восстановление суверенитета Панама.

---

¹ *Чепров И.* Новые проблемы международного права. Москва, ИМО, 1969.

² См. Тезисы доклада *Жудро А. К.*, Женевская конвенция по предупреждению загрязнения моря нефтью, Москва, 1969.

³ См. Тезисы доклада *Колодкина А. Л.* Предложения по проекту Международной конвенции о правовом статусе Систем сбора океанских данных, Москва, 1969.

⁴ Доклад Генерального секретаря ООН, Приложение II к документу A/7622/. 24-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 1969.

⁵ Меткий термин, примененный *Р. Л. Бобровым* применительно к некоторым нормам международного права.

⁶ См. “Международное морское право”, Л. 1969, отв. ред. Тарханов И. Е. стр. 16.

⁷ См. там же, стр. 18.

⁸ Одновременно хотим высказать мысль, что сам военный корабль является “плавающей территорией” государства флага, во главе которой стоит орган государственной власти — командир.

⁹ Этот институт обстоятельно рассмотрен в трудах *Левина Д. Б., Ушакова Н. А., Шibaевой Е. А., Галенской Г. Н.*

¹⁰ Нельзя, однако признать правомерным предоставление убежища военным преступникам, исполнителям геноцида, угонщикам самолетов, террористам, другим преступникам аналогичного характера. Таким образом, именно дееспособ-

ность государств, их способ реализации норм международного права ярче всего показывает классовый характер современного международного права, его понимание и применение.

¹¹ См. подробнее: *Лазарев М. И.* Преступления американских военнослужащих на чужих территориях, М., Госюриздат, 1961.

¹² *Саенс В.* Проблемы межокеанских путей американского континента, М., "ИЛ", 1959, Приложения, с. 134—135.

¹³ Там же, с. 135.

¹⁴ Там же, с. 138.

¹⁵ *Луцинович В.* Новый договор о Канале, "Международная жизнь", 1977, № 10, с. 134.

¹⁶ *Зафесов Г.* Панамский плебисцит, "Правда", 27 октября 1977, с. 5.

Статья поступила в редакцию в марте 2000 г.